

Научная статья
УДК 82
DOI 10.47438/2309-7078_2022_4_250

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЖАНРА ДЕТСКИХ РОМАНОВ КРИСТИНЫ НЕСТЛИНГЕР «MAIKÄFER, FLIEG!», «ZWEI WOCHE IM MAI» И «DER GEHEIME GROßVATER»

Наталья Викторовна Глухова¹

*Воронежский государственный педагогический университет¹
Воронеж, Россия*

¹Старший преподаватель кафедры немецкого языка,
тел.: (473) 237-22-58, e-mail: ratratrat777@mail.ru

Аннотация. Жанр произведения предопределяет его композиционную организацию, тип повествования, вид хромота, отбор речевых средств и его объем. Поэтому определение жанра является важным этапом анализа художественного текста. В данном исследовании предпринята попытка определить жанровую принадлежность детских романов Кристины Нестлингер, в которых писательница рассказывает о своем военном и послевоенном детстве. Мы рассмотрели особенности современных автобиографических и исторических романов, выявили открытость этих жанров, появление в произведениях признаков других жанров. Опираясь на данные интервью и воспоминания писательницы, а также на исторические данные, мы проанализировали соотношение реальности и вымысла, а также наличие исторически достоверных сведений в исследуемых произведениях. С учетом расширения понятия мы отнесли романы «Maikäfer, flieg!» и «Zwei Wochen im Mai» к автобиографическим, а роман «Der geheime Großvater», написанный по мотивам военного детства писательницы, – к псевдоавтобиографическим. Все 3 романа являются историческими романами о Новейшей истории. Это относительно новое направление в немецкоязычной литературе, в котором писатели-очевидцы затрагивают темы национал-социализма, Второй мировой войны, Холокоста и послевоенного времени.

Ключевые слова: жанр, детская литература, автобиография, автобиографический роман, псевдоавтобиографический роман, художественный вымысел, исторический роман, Новейшая история, национал-социализм, Вторая мировая война.

Для цитирования: Глухова Н.В. Определение жанра детских романов Кристины Нестлингер «Maikäfer, flieg!», «Zwei Wochen im Mai» и «Der geheime Großvater» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 4. С. 250–257. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_4_250.

Введение

Любой анализ литературного произведения предполагает определение жанра. М.М. Бахтин понимает «речевой жанр» как «относительно устойчивый тип высказывания», который определяет «тематическое содержание, стиль и композиционное построение» отдельного высказывания. К «речевым жанрам» Бахтин относит и «литературные жанры» [1, с. 428–429].

В.М. Жирмунский характеризует жанр как «исторически сложившийся тип художественных произведений» [2, с. 384]. При определении жанра следует учитывать такие параметры, как «композиционная организация текста, тип повествования, характер пространственно-временного континуума, объем содержания, художественные приемы и принципы организации речевых средств» [3, с. 25].

Отмечая «историчность» жанра, М.М. Бахтин пишет о постоянном развитии и обновлении жанров. Ученый утверждает, что жанр, являясь «представителем творческой памяти в процессе литературного развития», как раз и «обеспечивает единство и непрерывность этого развития» [4, с. 122]. В процессе исторического развития жанра сохраняется некий инвариант, то есть «доминирующие [...] приемы-признаки» жанра [5, с. 162]. Изменяется общество, изменяются и литературные жанры, поэтому справедливо замечание Б.В. Томашевского о том, что нет «логической и твердой классификации жанров», потому что «разграничение жанров» «справедливо только для определенного исторического момента» [5, с. 162].

Цель данного исследования – определить жанровую принадлежность романов детской австрийской писательницы Кристины Нестлингер «Maikäfer, flieg!», «Zwei Wochen im Mai» и «Der geheime Großvater», в которых рассказывается о военном и послевоенном детстве писательницы.

Результаты

Исследуемые произведения базируются на нехудожественном жанре автобиографии и «обладают определенной жанровой формой» [3, с. 28]. Н.А. Николина определяет жанровую форму как «результат взаимодействия в литературном процессе художественных и нехудожественных жанров» [3, с. 28], что обусловило появление таких художественных произведений, как «эпистолярные романы и повести, автобиографические романы, повести и рассказы, романы-хроники» [3, с. 28]. Исследовательница выделяет следующие признаки жанровой формы: «1) наличие определенного «канона», восходящего к нехудожественным произведениям (жанровым «прототипам»); 2) ориентация на комплекс структурно-семантических признаков, характерных для жанра-«прототипа», с их последующей художественной трансформацией; 3) наличие той или иной группировки мотивов, которая определяется целостностью автора; 4) определенный тип повествования; 5) особый характер пространственно-временной организации» [3, с. 28].

Жанровая форма, как и жанр, исторична, то есть изменяется и преобразуется в процессе исторического развития [3, с. 28; 6, с. 72–73].

Автобиографические тексты, как правило, повествуют о жизни автора, либо о каких-то важных жизненных событиях, из чего следуют 3 функции «вспоминающего "я" – автора как исторической личности, субъекта, ведущего рассказ о собственной жизни и героя или объекта рассказа» [7, с. 110]. Важным фактором автобиографических текстов является их ретроспективность. Повествование при этом ведется из «будущего» по отношению к описываемым событиям. Соответственно, происходит наложение двух временных пластов: времени описанных событий и времени написания автобиографического текста. Н.А. Николина говорит по этому поводу о «взаимодействии двух временных планов: плана прошлого и плана настоящего повествователя» [3, с. 32], что обуславливает «одновременное сопоставление в тексте и разных пространственных позиций» [3, с. 32]. Поэтому определяющей категорией для автобиографических текстов является хронотоп.

Мы предполагаем, что исследуемые произведения можно отнести к жанру детского автобиографического романа, который связан со своим нехудожественным прототипом – автобиографией, но при этом отличается от нее по ряду признаков.

В качестве основных признаков автобиографического романа в современном литературоведении выделяют следующие:

– отсутствие границ между реальностью и вымыслом [8, S. 15; 9; 10; 11, S. 59; 12, с. 31; 13, с. 18]. Shields отмечает, что произведение все же должно основываться на реальных событиях, причем факты не играют большой роли, если в основу произведения заложена правда [9, S. 57];

– неидентичность фигур автора и главного героя (11. Metzler; 10. Breuer, Sandberg). В автобиографических произведениях авторы пишут о событиях и переживаниях из их собственной жизни, которые охватывают более длинный или короткий период. Но в отличие от настоящей жизни, в художественном автобиографическом произведении имеет место субъективный взгляд писателя на свою жизнь и на реальность, поэтому какие-то моменты он выделяет, иные события преуменьшает, не придает им значения [14].

Современные зарубежные и отечественные исследователи-литературоведы признают большую открытость автобиографического жанра, появление в автобиографических произведениях признаков других жанров (Grenzgänge, Grenzüberschreitungen, Grenzöffnungen) [14, S. 15]. Автобиографические тексты все чаще находятся на грани между реальностью и вымыслом, между личным и общественным, между субъективным воспоминанием и коллективной/исторической памятью [8, S. 15]. Такие характеристики скорее типичны для автобиографического романа. Размышления по поводу допустимости вымысла в автобиографическом романе XX века можно найти в работе Е.М. Болдыревой, которая четко разграничивает автобиографический роман и автобиографию, рассматривая их как жанровые вариации [12, с. 31]. Исследовательница пишет об «автобиографическом соглашении», которое заключает автор, когда выбирает подвид «автобиография» или о «романном соглашении», которое «санкционирует вымысел и постулирует неидентичность жизненной и текстовой реальности», а также «предполагает деформацию реальных контуров и моделирование [...] своей жизни [...] согласно какой-либо концепции» [12, с. 31–32].

Таким образом, автобиографический роман – это всегда частично вымысел, в нем соседствуют автобиографические факты с псевдоавтобиографическими, вымышленными событиями, что может быть обусловлено определенной концепцией автора, его желанием оказать определенное воздействие на адресата, приукрасить или скрыть какие-либо события, необходимостью учитывать возрастные особенности целевой аудитории, а также заполнить «пробелы» памяти, если некоторые события не удается отчетливо вспомнить. Если действие автобиографического романа происходит на фоне значительных исторических событий, то автор уже с позиции своего жизненного опыта вплетает действие романа в канву этих исторических событий с учетом его теперешних взглядов и убеждений, что не может не сказаться на достоверности художественного произведения.

Рассматривая немецкоязычные автобиографические произведения, описывающие военное и послевоенное время, следует учитывать, что некоторые воспоминания тех времен могут вызывать у автора чувство стыда, унижения, моральной вины, могут вызывать ненависть или даже злость, которые автор не хотел бы еще раз испытать. Такие негативные воспоминания забываются, либо их осознанно стараются забыть, потому что они нежелательны для общества, их стараются задвинуть подальше на задворки истории. Нужна готовность социума принять эти воспоминания, чтобы такие истории, которые

нельзя рассказывать («nicht erzählbar»), стали историями, которые можно рассказывать («erzählbar») [15, S. 17]. Конечно, нужна еще определенная смелость, чтобы писать об этих событиях.

В автобиографических книгах для детей и юношества события представлены с точки зрения protagonista того же возраста, что и потенциальные читатели. Рассказчик-взрослый как бы уходит на второй план. Поэтому о чисто автобиографическом рассказе не может быть и речи. Автор уделяет больше внимания переживаниям подростка или ребенка, и он не всегда может проанализировать правдивость своих воспоминаний. Есть также вещи, о которых детям нельзя рассказывать в силу возраста. Возникающие вследствие этого «пробелы» автор заполняет вымышленными событиями, чтобы сохранить когерентность текста.

Рассмотрим, можно ли отнести исследуемые произведения Кристины Нестлингер к жанру автобиографических романов.

Американский исследователь David Shields, говоря об автобиографических романах, поддерживает точку зрения о смешении реальности и вымысла, о размывании границ между репортажем и выдумкой, рассказом и эссе. Автор автобиографического романа должен убедить читателя, что он рассказывает настолько правдиво, насколько только возможно. Такое произведение, по мнению исследователя, основывается на реальных, а не выдуманных событиях [9, S. 57]. О степени соответствия действительности Shields пишет следующее:

„Die Tatsachen der Situation spielen keine besondere Rolle, solange die zugrundeliegende Wahrheit zu vernehmen ist“ [9, S. 48]. – Факты в определенной ситуации не играют особой роли, пока может быть воспринята заложенная в основу произведения правда (перевод автора).

Эти слова как нельзя лучше характеризуют исследуемые произведения Кристины Нестлингер «Maikäfer, flieg!» (1973), «Zwei Wochen im Mai» (1981) и «Der geheime Großvater» (1986).

В своем интервью о романе «Maikäfer, flieg!» писательница рассказывает о значимости этих воспоминаний, о ее желании написать этот роман о ее детстве, а также о недостаточной информированности молодого поколения об этой странице истории страны:

Ich glaube, jeder Mensch hat irgendwelche Dinge erlebt, die so heftig waren, dass sie ihn noch viele Jahrzehnte beschäftigen. «Maikäfer, flieg!» wollte ich schon schreiben, weil es ein Stück aus meiner Kindheit ist. Außerdem habe ich gemerkt, dass Kinder von dieser Zeit eigentlich sehr wenig Ahnung haben [16].

При этом она понимает, что возраст адресата накладывает определенные ограничения на освещение событий того времени:

Alles erklären kann man eh nicht. [...] Also muss man auch sehr viel weglassen. Ein Kind will nicht ganz genau wissen, wer und was eigentlich die Gestapo oder die SS war. [...] Ein Kinderbuch kann nur eine gewisse Stimmung vermitteln [16].

Из другого интервью писательницы становится понятно, насколько сильны ее воспоминания о военном и послевоенном детстве, особенно о конце войны, когда пришли советские войска:

Sehr gut kann ich mich an jeden Tag der Zeit erinnern, wo der Krieg zu Ende ging und die Russen kamen und die ersten

Nachkriegstage begannen. Das war eben eine Zeit, wo viel passiert ist, außergewöhnliche Dinge, und das ist eine ganz intensive Erinnerung [17, S. 80].

Большая часть событий, описанных в романах «Maikäfer, flieg!» (1973), «Zwei Wochen im Mai» (1981) переданы достоверно и совпадают с воспоминаниями других очевидцев. Но есть и некоторые отступления от действительности: изменены имена некоторых людей, какие-то события не упоминаются или были также изменены.

Например, в романе «Maikäfer, flieg!» рассказывается, что квартира Кристины была разрушена во время бомбежки, и госпожа фон Браун предложила им переехать на виллу в Нойвальдегг, чтобы присматривать за домом, в то время как она, будучи нацисткой, вынуждена была бежать до вступления русских в Вену. Из воспоминаний, написанных для взрослых, мы узнаем, что владелицу виллы на самом деле зовут госпожа Вёсс (Frau Wöss), а также о том, что причины переезда на виллу были несколько иными:

In der ausgebombten Wohnung konnten wir nicht bleiben, bei den Großeltern auch nicht. Zu Hilfe kam uns die alte Wöss, der ein Haus in der Nachbarschaft gehörte und die auch eine Villa in Neuwaldegg besaß. Sie musste den ersten Stock der Villa Bombenopfern zur Verfügung stellen, und da war es ihr recht, dass sie uns kannte und nicht für Gesindel hielt [18, S. 72].

В романе «Maikäfer, flieg!» на вилле еще проживала сноха г-жи фон Браун – госпожа фон Браун с дочерью Хильдегартой и сыном Геральдом. В книге-воспоминании «Glück ist was für Augenblicke» на вилле жили пожилая пара и госпожа Вюст, невестка или племянница г-жи Вёсс, с двумя сыновьями, которых звали Торгерт и Рогер.

В романе «Zwei Wochen im Mai» очень много событий совпадают с тем, о чем Кристина Нестлингер писала в своих воспоминаниях.

Например, в своей книге «Glück ist was für Augenblicke» писательница рассказывает о своей подруге Еве из зажиточной семьи, которая жила в большой квартире:

Unmöglich, ihr zu sagen, dass unsere Fenster um die Ecke im Parterre waren. Ich zeigte zum ersten Stock, zur Donner-Wohnung rauf.

„Und wie viele gehören euch?“, fragte sie.

Jetzt kam es schon nicht mehr drauf an, ich sagte: „Alle auf der Seite!“

Die Eva nickte, war ja nichts Besonderes für ein Mädchen, das in einer 6-Zimmer-Wohnung lebte. [18, S. 184-185]

Одной из причин, по которым Кристина общалась с Евой, была возможность поехать у нее дома:

Meine Mutter sah es gern, dass ich zur Eva auf Besuch ging. Weil ich dann mit dem Rudi nicht zusammen war, weil ich gute Sachen zu essen bekam, weil mich der Vater der Eva am Abend im Studebaker nach Hause brachte und weil die Eva ein „nettes Mädchen“ war [26, S. 36].

У Евы были довольно странные интересы:

In den ersten zwei Gymnasialjahren war die Eva meine beste Freundin, aber ein komisches Mädchen war sie schon. Ihr Lieblingsthema war Sex, der mich wenig interessierte [18, S. 198].

И в автобиографическом романе Кристина Нестлингер рассказывает об этом нездоровом интересе Евы [26, S. 39–41].

Еще один биографический факт, описанный как в книге воспоминаний, так и в романе «Zwei Wochen

im Mai»: Кристина брала уроки игры на пианино у госпожи Кригельштайн. Она ненавидела эти занятия, но мама все равно ее заставляла:

Mein Vater saß neben meiner Schwester am Tisch und las die Arbeiter-Zeitung und fragte mich, ohne von der Zeitung hochzuschauen: „Na, wie war's denn bei der Kriegelstein?“

Ich sagte, was ich immer sagte, wenn ich von der Klavierstunde heimkam: „Ich geh nicht mehr hin, ich will nicht mehr Klavier spielen“ [26, S. 14].

И в воспоминаниях мы находим тому подтверждение:

Zur Kriegelstein, zum „Klavier lernen“, musste ich nicht mehr gehen. Das hatte ich durchgesetzt, und darauf war ich stolz [18, 199-200].

И в воспоминаниях, и в романе «Zwei Wochen im Mai» писательница рассказывает о том, что у бабушки были любовные аферы на стороне. Например, он встречался с молодой рыжеволосой женщиной, которая жила в их доме. Бабушка частенько устраивала скандалы по этому поводу:

Mein Großvater hatte bis ins hohe Alter jede Menge Affären. [...] Trotzdem war sie (die Großmutter) schrecklich eifersüchtig. Erfuhr sie von einer Affäre, meistens durch eine geschwätzige Nachbarin, wurde sie komplett hysterisch.

Etliche Jahre hatte der Großvater sogar eine Geliebte, die in unserem Haus wohnte. [...]

Sie war eine junge, hübsche Frau, die in der Gegend “die Rote” genannt wurde [18, S. 14-15].

Plötzlich brüllte die Großmutter: „Ich bring sie um! Ich erschlag die Rote!“ [...] Die Rote wohnte bei uns im Haus, im zweiten Stock [26, S. 50-51].

Таким образом, романы «Maikäfer, flieg!» (1973), «Zwei Wochen im Mai» (1981) можно отнести к автобиографическим, но с учетом расширения понятия «автобиографический роман» и проблемы взаимопроникновения факта и вымысла, а также того, что Кристина Нестлингер писала для детей.

По поводу расширения понятия автобиографической прозы Е.Е. Вахненко, анализируя прозу А.М. Ремизова первой половины XX века, пишет, что «вследствие особого исторического сознания писателей в начале XX в. традиционные рамки автобиографической прозы расширяются; авторы пытаются на примере собственной судьбы эстетически познать сущность эпохальных событий» [13, с. 25].

Со времен модернистов автобиографическая литература тесно связана с псевдоавтобиографической или полуавтобиографической, когда автор помещает себя и какие-то автобиографические элементы в художественный вымышленный текст и позиционирует эти произведения между романом и автобиографией [19, S. 11]. В литературном лексиконе издательства Metzler также выделяется «фикциональная/вымышленная биография» (die fiktionale Autobiographie), которая имитирует автобиографическое повествование (die fiktionale autobiographische Erzählform), не являясь таковым [11, S. 59].

Именно к псевдоавтобиографическим романам можно отнести роман Кристины Нестлингер «Der geheime Großvater».

Это роман написан по мотивам военного детства писательницы, поэтому многое в нем перекликается с ее вышеупомянутыми автобиографическими романами. Некоторые имена и события в романе «Der geheime Großvater» совпадают с романами «Maikäfer, flieg!» и

«Zwei Wochen im Mai». Например, имя бабушки (Julia), переезд с мамой на виллу в пригороде Вены, потому что их квартиру разбомбило, сложные отношения с мамой, наличие у бабушки молодой возлюбленной. Но многое писательница придумала.

Дедушка в романе «Der geheime Großvater» рассказывает маленькой внучке фантастические вещи. Он катается ночью на мотоцикле с мощным двигателем, который ему подарил изобретатель-еврей, потому что вынужден был эмигрировать за границу, когда в Австрию пришли нацисты:

Fünzig Jahre lang hatte der Erfinder diesen Motor erfunden. Gerade als der Superdüsenmotor dann fertig war, hatte der Erfinder auswandern müssen, weil er ein Jude war und weil die Nazis in Österreich einmarschiert waren [27, S. 19].

Дедушка помогает своему другу Альбикуко, бывшему старшему преподавателю гимназии, кормить детей в тайной долине в лесу, потому что эти дети и их родители неуютны фашистскому режиму. Среди них есть, к примеру, еврей и цыган.

Мы также узнаем, что с началом войны сложно было купить съестное:

Als der Krieg kam, war es sowieso gleich, ob der Großvater hundert Mark mehr oder weniger verdiente, weil es nicht mehr viel zu kaufen gab (Der geheime Großvater, S. 21).

Je länger der Krieg dauerte, umso weniger gab es zu kaufen [27, S. 77].

Затем главная героиня Кристель рассказывает, в каком возрасте какие сласти она могла купить:

Als ich drei Jahre alt war, hatte ich mir beim Greißler eine Rippe Schokolade kaufen können. Als ich vier Jahre alt war, hatte ich mir beim Zuckerbäcker ein Stück Schusterbubentorte kaufen können. [...] Als ich fünf Jahre alt war, hatte ich mir in der Apotheke weiße und rosa Eibischwürfel kaufen können. [...] Als ich sechs Jahre alt war, gab es noch Brausepulver. Das hätte man in ein Krügel Wasser schütten sollen, um so etwas Ähnliches wie Limonade zu bekommen. [...] Nun war ich acht Jahre alt, und es gab überhaupt nichts zu kaufen ohne Marken und Bezugscheine [27, S. 77-78].

Действие романа «Der geheime Großvater» заканчивается в конце войны:

Der Krieg ging wirklich bald zu Ende. Wir zogen in unsere Wohnung zurück und richteten sie wieder her [27, S. 147].

Рассуждая о вымысле в автобиографической прозе, Е.Е. Вахненко пришла к выводу, что «субъективное начало в произведениях возможно как один вариант объяснения и фиксации исторической реальности» [13, с. 25]. «Фиксация исторической реальности» в произведениях Нестлингер несомненно присутствует, что позволяет отнести романы «Maikäfer, flieg!» (1973), «Zwei Wochen im Mai» (1981) и псевдоавтобиографический роман «Der geheime Großvater» к современным историческим романам для детей, потому что фокус этих произведений направлен на исторические события [11, S. 318–219].

Действие исследуемых романов развивается на фоне Второй мировой войны.

Согласно определению литературного лексикона издательства Metzler, в историческом романе вымышленное/фиктивное действие представлено как часть значительного исторического события. Таким образом, для исторического романа характерно переплетение вымышленных и исторических событий [11, S. 318].

По мнению современных немецких литературоведов, термин исторический роман приложим как к произведениям, в которых описываемые события имеют документальное подтверждение, которые основываются на передаваемых из поколения в поколение исторических событиях, так и к произведениям, в которых вымышленное действие происходит в определенную историческую эпоху, достоверно отраженную в романе [20, С. 390], когда историческая эпоха представлена посредством вымышленных событий и героев [21, С. 76].

Отечественные исследователи Б.М. Жачемукова и Ф.Б. Бешукова выделяют еще «роман об историческом прошлом», в котором «в качестве главных персонажей не фигурируют исторические личности, не затрагиваются широко исторические события, хотя сюжет романа зачастую построен на проблеме судьбы отдельного человека в какой-то переломный исторический момент», причем «персонажи данного инварианта вымышлены, преобладает художественная условность и авторская фантазия» [22, с. 12–13].

Исследовательницы также отмечают, что роман об историческом прошлом «может быть обращен к любому периоду истории, в том числе и не столь отдаленному, как исторический роман» [22, с. 23].

Б.М. Жачемукова, Ф.Б. Бешукова отмечают, что «задачей романа об историческом прошлом является в большинстве случаев проблема простого человека в контексте исследования прошлого народа» [22, с. 12–13]. Задачей является проблема?

События, описываемые в романах Кристины Нестлингер «Maikäfer, flieg!», «Zwei Wochen im Mai» и «Der geheime Großvater», вплетены в историческую канву и неотделимы от нее. Многие события того времени описываются достоверно, без прикрас.

Так, в романе «Maikäfer, flieg!» рассказывается о частых бомбардировках Вены, к которым люди уже привыкли:

Ich war acht Jahre alt. [...] Es war schon lange Krieg. Ich konnte mich überhaupt nicht daran erinnern, dass einmal kein Krieg gewesen war. Ich war den Krieg gewohnt und die Bomben auch [25, S. 7].

Когда пришли «русские», мать Кристины успела сжечь военную форму отца. Отец в это время прятался в подвале. На вилле, где временно жила семья Кристель, так как их квартира была разрушена во время бомбежки, поселяется советский майор, а в беседке располагается полевая кухня:

An diesem Tag kamen noch viele Russen zu uns. Wir verriegelten die Haustür nicht mehr. Die Soldaten kamen zu dritt oder zu viert [25, S. 95].

Am nächsten Morgen nämlich kamen wieder russische Soldaten. Sie mussten für ihren Herrn Major Quartier machen. Unser Haus gefiel ihnen, trotz des fehlenden Kronleuchters. Eine Stunde später zog der Herr Major ein. Und noch eine Menge anderer Soldaten zogen auch in unser Haus [25, S. 96].

Затем русские боевые части покинули Австрию, установилось австрийское правление, а вместо ушедших русских пришел обоз с другими военными, которые осуществляли контролируемую деятельность. Новые русские солдаты были размещены на пустующих виллах и не заходили в дома, где кто-то жил:

So viele Russen und so viele Kommandaturen werde es überhaupt nicht mehr geben, sagt er. Und die Straßensperren, die hörten auch auf. Die Verwaltung werde ab jetzt wieder österreichisch und die Österreicher würden sich doch nicht gegenseitig die Straßen versperren [25, S. 220].

Drei Tage später kam der Tross. Der Tross zog in die leerstehenden Villen ein. In Häuser, wo jemand wohnte, zogen die Soldaten nicht ein. Ihre Uniformen waren mehr gelb und weniger grau, ihre roten Sterne glänzten und gesungen haben sie kein einziges Mal [25, S. 220].

Все эти события, описанные в романе «Maikäfer, flieg!», имеют достоверное подтверждение [23].

Значимые исторические события затронуты и в романе «Der geheime Großvater». Так, в нем повествуется о том, что евреи вынуждены были бежать из Австрии, когда там властвовали нацисты, подробно описана тяжелая экономическая ситуация в военное время, затронуты продовольственные проблемы:

Als der Krieg kam, war es sowieso gleich, ob der Großvater hundert Mark mehr oder weniger verdiente, weil es nicht mehr viel zu kaufen gab [27, S. 21].

Je länger der Krieg dauerte, umso weniger gab es zu kaufen [27, S. 77].

Роман «Zwei Wochen im Mai» (1981), написанный 8 лет спустя, является по сюжету продолжением романа «Maikäfer, flieg!» (1973). В нем рассказывается о первых послевоенных годах. Главной героине романа Кристель тяжело было привыкнуть к мирной жизни, к новым отношениям. Во время войны ей все было ясно, она хорошо ориентировалась в окружающей обстановке, знала, как себя вести. А в мирной жизни ее надежды, связанные с окончанием войны, не оправдались. Кроме того, в первые послевоенные годы очень многое было связано с войной, носило на себе ее отпечаток:

«Die Geschichte, die ich erzähle, ist mehr als dreißig Jahre alt. Zwölf war ich damals und der große Krieg war seit drei Jahren zu Ende» [26, S. 5].

Из романа мы узнаем об экономических проблемах, о продовольственном «черном рынке», о конфискации имущества у нацистов:

Der Magistrat hatte den Flügel aus einer beschagnahnten Wohnung genommen. Der Nazi war aber nun irgendwo in der Ferne gestorben und sein Erbe wollte den Flügel zurückhaben. Meine Mutter war auf dem Standpunkt, dass ihr eigenes, mühselig zusammengespartes Pianino durch die Schuld der Nazis nicht mehr vorhanden war und dass sie daher Anspruch auf den Nazi-flügel hatte [26, S. 16].

Beim Magistrat hätte man gegen eine kleine Miete auch Rundbalken und Teppiche und Sitzgarnituren aus Naziwohnungen haben können. Und, wenn man sich rechtzeitig bemüht hätte, sogar eine Nazi-Vierzimmerwohnung mit Bad und Balkon und Vorzimmer [26, S. 16].

Люди еще не преодолели последствия войны, они еще во многом пожинают ее плоды. Еще хорошо помнят тех, кто погиб во время войны:

Der Julius war zum dritten Mal verheiratet. Seine erste Frau war bei einem Bombenangriff in einem Bunker verschüttet und tot ausgegraben worden [26, S. 31].

Еще свежи следы от бомбежек:

Und an der Straßenecke, wo eine Bombe in die Straßendecke eingeschlagen hatte, fehlten die Pflastersteine. Der Bombentrichter war mit Schutt und Schotter angefüllt [26, S. 53].

Рядом живут вчерашние приверженцы нацизма, которых еще недавно боялись. Причем многие из них неплохо живут и после войны:

Im Krieg nämlich, da hatte ich fest daran geglaubt, dass später einmal, nach dem Krieg, im Frieden, alles ganz anders sein würde. Nicht nur, dass keine Bomben mehr fallen und keine Väter mehr totgeschossen werden. [...] Doch vor allem war ich mir ganz sicher gewesen, dass nach dem Krieg alle Nazis betrafft werden, abgeschafft werden, einfach nicht mehr da sein werden.

Nun war der Krieg seit drei Jahren zu Ende... [...] Und die Nazis, die ich kannte, lebten immer noch und hatten immer noch mehr als wir. Nur der Blockwart war eine Ausnahme. Der hatte einen Einhorntrichter in den Kopf geschossen bekommen, der war Hausmeister geworden und musste im Kanalgitter stockern und sich ärgern [26, S. 58].

Мерилом достатка были американцы. Очень ценились американские вещи, американские продукты были ценной добычей, люди мечтали об американском образе жизни. И Кристина не была исключением:

Ich versuchte, meine allerschönsten Träume zu denken. Den, wo ich auf dem russischen Panzer saß und in den Sonnenschein hineinfuhr, und den, wo ich ein amerikanisches Girl mit einem weißen Holzhaus war [26, S. 58].

Der Rudi hatte eine Schachtel Lucky Strike mit und zwei Tafeln Cadbury-Schokolade. Die könnten wir jetzt immer haben, versprach er uns. Seine Schwester, erzählte er uns, habe jetzt einen neuen Ami Freund, einen besseren, höheren, einen Staff-Sergeant, der sei viel großzügiger als der alte Freund. „Den John“, sagte der Rudi, „den hab ich immer anbeteln müssen, aber der Neue, der gibt mir sogar was, ohne dass ich was sag!“ [26, S. 190–191].

Таким образом, в исследуемых романах представлена проблема простого человека на фоне исторических событий. Причем это не далекие исторические события, на которые писатель смотрит как бы со стороны. Автор является свидетелем этих событий, так как это история Новейшего времени (Zeitgeschichte). В немецком литературоведении для этого направления появился термин «der zeitgeschichtliche Roman» – роман

нового времени. Под термином «Zeitgeschichte» понимается период времени, о котором члены общества могут рассказать из собственного опыта [24, S. 199]. В рамках исторической немецкоязычной детской и юношеской литературы выделяются произведения, которые описывают события Новейшей истории. Это в первую очередь произведения, затрагивающие темы национал-социализма, Второй мировой войны, Холокоста и послевоенного времени. Интерес к этим произведениям в немецкоязычном пространстве обусловлен желанием объяснить молодому поколению, что такое национал-социализм, каковы его предпосылки и последствия [24, S. 197].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что произведения Кристины Нестлингер «Maikäfer, flieg!» и «Zwei Wochen im Mai» можно отнести к жанру автобиографического романа, если исходить из современного взгляда на этот жанр, который допускает слияние факта и художественного вымысла. Роман «Der geheime Großvater» является псевдоавтобиографическим, потому что в нем преобладает художественный вымысел, и лишь некоторые события и факты отдаленно совпадают с событиями, описанными в романах «Maikäfer, flieg!», «Zwei Wochen im Mai» и в воспоминаниях «Glück ist was für Augenblicke». Но при этом все 3 романа правдиво отражают исторические события Второй мировой войны и первых послевоенных лет, показывают нам, как люди выжили в те страшные времена, что позволяет отнести их к историческим романам о Новейшем времени (zeitgeschichtliche Romane).

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М. : Художественная литература, 1986. 543 с.
2. Жирмунский В.М. Введение в литературоведение : курс лекций. СПб. : Изд-во С.-Петербург. университета, 1996. 440 с.
3. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М. : Академия, 2003. 256 с.
4. Бахтин М.М. Проблем поэтики Достоевского. М. : Советская Россия, 1979. 312 с.
5. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 2002. 334 с.
6. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М. : Наука, 1980. 360 с.
7. Нелюбина Л.М. Человек вспоминающий // Человек. 2010. № 3. С. 107–114.
8. Löschnigg M. Die fiktionale Autobiographie in der englischen Literatur // Autobiographisches Schreiben in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur. 2009. Band 3. S. 15–31.
9. Shields E. Realitz Hunger. Ein Manifest / aus dem Englischen von A. Wirthensohn. München : C.H. Beck Verlag, 2011. 224 S.
10. Breuer U., Sandberg B. (Hrsg.) Einleitung // Autobiographisches Schreiben in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur. München : iudicium, 2006. Band 1. S. 9–18.
11. Metzler Lexikon Literatur / Hrsg. von D. Burdorf, Ch. Fasbender, B. Moennighoff. München, Stuttgart, Weimar : Verlag J.B. Metzler, 2007. 845 S.
12. Болдырева Е.М. Автобиографический роман в русской литературе первой трети XX века : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 1999. 194 с.
13. Вахненко Е.Е. Концепция времени и пространства в автобиографической прозе А.М. Ремизова 1920–1950-х гг : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 206 с.
14. Feilke H., Ludwig O. Autobiographisches Erzählen // Praxis Deutsch. 1998. № 152. S. 15–25.
15. Spitta J., Rathenow H.F. Trauma und Erinnerung: Oral History nach Auschwitz. Kenzingen : Centaurus Verlag KG, 2009. 140 S.
16. Nöstlinger K. Die österreichische Kinderbuchautorin erzählt im Interview vom Recht auf seichte Unterhaltung // Die Literaturausgabe, 2013. URL: <https://www.vice.com/de/article/qbmkmb/christine-noestlinger-interview-v7-n6> (accessed: 20.01.2021).
17. Vogel K. Kindheit in Österreich. 24 bedeutende Persönlichkeiten im Gespräch mit Kindern. edition innsalz, 2004. 200 S.
18. Nöstlinger Ch. Glück ist was für Augenblicke. Erinnerungen. St. Pölten/Salzburg/Wien : Residenz Verlag, 2014. 256 S.
19. Krumrey B. Der Autor in seinem Text. Göttingen : V&R unipress GmbH, 2015. 221 S.

20. Langenhahn S. Historische Erzählungen und Romane // Handbuch zur Kinder- und Jugendliteratur: SBZ/DDR. Von 1945 bis 1990. Heidelberg : Springer Verlag GmbH, 2006. S. 389–450.
21. Kipper R. Der Germanenmythos im Deutschen Kaiserreich. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002. 394 S.
22. Жачемукова Б.М., Бешукова Ф.Б. Художественная специфика жанра исторического романа // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 1. С. 11–17.
23. Mascher-Pichler H.A. Baden bei Wien zur sowjetischen Besatzungszeit 1945–1955 mit besonderer Berücksichtigung der ersten beiden Besatzungsjahre und des Jahres 1955 : Diss. ... Dr. phil. Wienersdorf, 2009. 350 S.
24. Henke-Bocksohatz G. Zeitgeschichtliche Kinder- und Jugendliteratur als Medium historischen Lernens // Kriegs- und Nachkriegskindheiten. Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2008. Band 57. S. 197–215.
25. Nöstlinger Ch. Maikäfer, flieg! Weinheim/Basel : Gulliver von Beltz und Gelberg, 1996. 223 S.
26. Nöstlinger Ch. Zwei Wochen im Mai. Weinheim/Basel : Gulliver von Beltz & Gelberg, 2001. 208 S.
27. Nöstlinger Ch. Der geheime Großvater. Weinheim und Basel : Beltz & Gelberg. 1996. 152 S.

References

1. Bakhtin, M.M. (1986) *Litaraturno-kritishcheckie stat'i* [Literary critical articles]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura publ. 543 p. (in Russian)
2. Zhirmunskii, V.M. (1996) *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to the Study of Literature]. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 440 p. (in Russian)
3. Nikolina, N.A. (2003) *Filologicheskii analiz teksta* [Philological text analysis]. Moscow, Akademia publ. 256 p. (in Russian)
4. Bakhtin, M.M. (1979) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevski's poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya publ. 312 p. (in Russian)
5. Tomashevskii, B.V. (2002) *Teoriyaliteratury. Poetika* [Theory of literature. Poetics]. Moscow, Aspekt Press publ. 334 p. (in Russian)
6. Vinogradov, V.V. (1980) *O yazyke khudozhestvennoi prozy* [On the language of fictional prose]. Moscow, Nauka publ. 360 p. (in Russian)
7. Nelyubina, L.M. (2010) *Chelovek vspominayushchii* [Homo Reminiscent]. Chelovek. (5), 107–114. (in Russian)
8. Löschnigg, M. (2009) Die fiktionale Autobiographie in der englischen Literatur [The fictional autobiography in English literature]. *Autobiographisches Schreiben in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur*. (3), 15–31.
9. Shields, E. (2011) *Reality Hunger. A Manifesto*. New York, Vintage Books Publ. 240 p. (German ed.: Shields, E. (2011) *Reality Hunger. Ein Manifest*. München, C.H. Beck Verlag Publ. 224 S.).
10. Breuer, U., Sandberg, B. (2006) Einleitung [Introduction]. *Autobiographisches Schreiben in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur*. (1), 9–18.
11. Burdof, D., Fasbender, Ch., Moennighoff, B. (eds.) (2007) *Metzler Lexikon Literatur* [Metzler Lexicon Literature]. München, Stuttgart, Weimar, Verlag J.B. Metzler Publ. 845 p.
12. Boldyreva, E.M. (1999) *Avtobiograficheskii roman v russkoi literature pervoi treti XX veka*. Diss. kand. filol. nauk [An autobiographical novel in Russian literature of the first third of the XXth century]. Yaroslavl. 194 p. (in Russian)
13. Vakhnenko, E.E. (2007) *Kontseptsiya vremeni i prostranstva v avtobiograficheskoi proze A.M. Remizova 1920–1950*. Diss. kand. filol. nauk [Time and space conception in the autobiographical prose by A.M. Remizov 1920–1950. Cand. philol. sci. diss.]. Irkutsk. 206 p. (in Russian)
14. Feilke, H., Ludwig, O. (1998) Autobiographisches Erzählen [Autobiographical narration]. *Praxis Deutsch*. (152), 15–25.
15. Spitta, J., Rathenow, H.F. (2009) *Trauma und Erinnerung: Oral History nach Auschwitz* [Trauma and memoirs: Oral History by Auschwitz]. Kenzingen, Centaurus Verlag KG Publ. 140 p.
16. Nöstlinger, K. *Die österreichische Kinderbuchautorin erzählt im Interview vom Recht auf seichte Unterhaltung* [The Austrian children's author speaks in her interview about right]. Available from: <https://www.vice.com/de/article/qbmkmb/christine-noestlinger-interview-v7-n6> (accessed: 20.01.2021).
17. Vogel, K. (2004) *Kindheit in Österreich. 24 bedeutende Persönlichkeiten im Gespräch mit Kindern* [Childhood in Austria. 24 significant people in conversation with children]. edition innsalz. 200 p.
18. Nöstlinger, Ch. (2014) *Glück ist was für Augenblicke. Erinnerungen* [Happiness is something for a moment]. St. Pölten/Salzburg/Wien, Residenz Verlag Publ. 256 p.
19. Krumrey, B. (2015) *Der Autor in seinem Text* [The author in his text]. Göttingen, V&R unipress GmbH Publ. 221 p.
20. Langenhahn, S. (2006) *Historische Erzählungen und Romane* [Historical stories and novels]. Handbuch zur Kinder- und Jugendliteratur: SBZ/DDR. Von 1945 bis 1990 [Handbook on children's literature: SBZ/DDR]. Heidelberg, Springer Verlag GmbH Publ. pp. 389–450.
21. Kipper, R. (2002) *Der Germanenmythos im Deutschen Kaiserreich* [The Germanic Myth in the German Empire]. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ. 394 p.
22. Zhachemukova, B.M., Beshukova, F.B. (2011) *Khudozhestvennaya spetsifika zhanra istoricheskogo romana* [Fictional specificity of a historical novel as a genre]. *Vestnik Aдыгейского государственного университета*. (1), 11–17. (in Russian)
23. Mascher-Pichler, H.A. (2009) *Baden bei Wien zur sowjetischen Besatzungszeit 1945–1955 mit besonderer Berücksichtigung der ersten beiden Besatzungsjahre und des Jahres 1955*. Diss. Dr. phil. [Baden by Vienna during the Soviet occupation 1945–1955 taking the first two occupation years and 1955 into special account. Diss. Dr. phil.]. Wienersdorf. 350 p.
24. Henke-Bocksohatz, G. (2008) *Zeitgeschichtliche Kinder- und Jugendliteratur als Medium historischen Lernens* [Children's Literature on Contemporary History as a medium of historical learning]. *Kriegs- und Nachkriegskindheiten* [War and Postwar Childhood]. Frankfurt am Main, Peter Lang GmbH Publ., vol. 57, pp. 197–215.

-
25. Nöstlinger, Ch. (1996) *Maikäfer, flieg!* [Fly away home]. Weinheim/Basel, Gulliver von Beltz und Gelberg Publ. 223 p.
26. Nöstlinger, Ch. (2001) *Zwei Wochen im Mai* [Two Weeks in May]. Weinheim/Basel, Gulliver von Beltz & Gelberg Publ. 208 p.
27. Nöstlinger, Ch. (1996) *Der geheime Großvater* [The Secret Grandfather]. Weinheim und Basel, Beltz & Gelberg Publ. 152 p.

Поступила в редакцию 19.10.2022

Подписана в печать 26.12.2022

Original article

UDC 82

DOI 10.47438/2309-7078_2022_4_250

GENRE DETERMINATION OF CHRISTINE NOSTLINGER'S NOVELS
„MAIKÄFER, FLIEG!“, „ZWEI WOCHEN IM MAI“ AND „DER GEHEIME GROßVATER“

Natalia V. Glukhova¹

Voronezh State Pedagogical University¹
Voronezh, Russia

¹*Senior Lecturer of the Department of German Language,*
tel.: (473) 237-22-58, e-mail: ratratrat777@mail.ru

Abstract. Genre predetermines the composition of a literary work, its type of narration and chronotope, the selection of language means and its volume. Therefore, it is a very important part of a literary analysis to determine the genre of a literary text. In this paper an attempt is made to determine the genre of Christine Nostlinger's novels for children about her war and postwar childhood. We studied the features of modern autobiographical and historical novels and discovered the openness of these genres. Basing on Christine Nostlinger's interviews, memoirs and historical data, we analysed the correlation of reality, fiction and historical reliable information in her novels. With regard to the notion extension the novels "Maikäfer, flieg!" и "Zwei Wochen im Mai" are considered to be autobiographical novels, but the novel "Der geheime Großvater" is attributed to pseudo-autobiographical novels. All the three novels are historical novels about Contemporary History. It is a relatively new trend in German children's literature. Having experienced it themselves, the authors write about Nazism, the Second World War, the Holocaust and the postwar period.

Key words: genre, children's literature, autobiography, autobiographical novel, pseudo-biographical novel, fiction, historical novel, Contemporary History, Nazism, Second World War.

Cite as: Glukhova, N.V. (2022) Genre determination of Christine Nostlinger's novels „Maikäfer, flieg!“, „Zwei Wochen im Mai“ and „Der geheime Großvater“. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (4), 250–257. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2022_4_250.

Received 19.10.2022

Accepted 26.12.2022